

УДК 271.2:94

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-265-269

РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА

© **Екатерина Сергеевна Манзырева**

кандидат культурологии, доцент, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств

E-mail: philcult@mail.ru

Благотворительность на Руси стала распространяться в связи с принятием христианства. С XVIII в. развивается купеческая благотворительность. В статье на примере Верхнеудинского приюта для арестантских детей рассматривается благотворительная деятельность сибирского купечества в XIX в. Автор считает, что купечество как социальный слой сыграло важную роль в развитии провинциальных городов в XIX в. Открывались школы, приюты, больницы, строились храмы. Приют для арестантских детей в г. Верхнеудинске был открыт и существовал только благодаря благотворительной помощи купцов города. Например, Е. И. Голдобина организовывала мероприятия в пользу приюта (выставки, спектакли), благодаря которым он и существовал. Автор приходит к выводу, что религиозность выступала основным мотивом благотворительной деятельности купцов.

Ключевые слова: культура, ценности, благотворительность, православие, купцы, детский приют.

THE ROLE OF ORTHODOXY IN CHARITIES OF RUSSIAN MERCHANTS

Ekaterina Manzyreva

Candidate of Culturology, Associate professor, East-Siberian State Academy of Culture and Arts

Charity in Russia began to spread the adoption of Christianity. Since the XVIII century merchant develops charity. In article, on an example of the Verheneudinsky shelter for prisoner children, charities of the Siberian merchant class in the XIX century. The author believes that the merchants as a social layer played a very important role in the development of provincial cities in the XIX century. Opened schools, orphanages, hospitals, and churches were built. Shelter for prisoners' children in Verkhneudinsk was opened and there was only thanks to the charitable help merchants of the city. For example, E. I. Goldobin organized charity events for the benefit of the orphanage (exhibitions, performances), through which it existed. Author are considered come to conclusion, that religiousness acted as the basic motive of charities of merchants.

Keywords: culture, values, charity, orthodoxy, merchants, children's shelter.

Благотворительность в современном понимании этого слова в Европе наблюдается по мере утверждения христианства. Так, уже в «Книге преродостей Иисуса, сына Сирахова», входившей в греческую библию и служив-

шей на заре христианства пособием для нравственного просвещения тех, кто готовился к крещению, написано, что человек должен быть благочестивым и милосердным: «И бедному простирай руку твою, дабы благословение твое было совершенно. Милость даяния да будет ко всякому живущему...» [8, с. 55]. Иисус провозглашал свои законы в рамках заповедей блаженства. Он обещает небесное царство «нищим духом», блаженны будут и те, кого Иисус называет плачущими, ибо они утешатся, а их плач превратится в смех. Для вступления в Царство небесное необходимо быть справедливым, милостивым, чистым сердцем и миротворцем. Иисус призывает к раздаче милостыни, предупреждая о том, что человек должен поступать с ближним так, как он хотел бы, чтобы поступили с ним: «Возлюби ближнего своего как самого себя».

На Руси христианская проповедь благотворительности легла на восприимчивую почву. Владимир Святославович (980–1015 гг.), крестивший Русь, стал для народа «истинным отцом бедных» — всякий нищий и убогий мог приходить во двор князя и получать там «всякую потребу, питье и явства», для больных он повелел развозить пищу по улицам [8, с. 56].

Преемники Святого Владимира следовали его примеру. Так, «братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю» Владимир Мономах в своей жизни и наставлениях детям своим следовал правилу: «Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильно губить человека»; «Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего» [1, с. 164–167].

Постепенно православная церковь, выступавшая с проповедью получения вечной жизни за счет раздачи части своего имущества в пользу бедных и в пользу самой церкви, стала основным институтом в деле призрения бедных. С XVIII в. стали активно развиваться различные формы государственной поддержки нуждающихся, но основным мотивом частной благотворительности оставалась глубокая религиозность. Ярким примером этого может служить благотворительная деятельность купечества.

Среди ценностей купечества, таких как богатство, труд как основа благосостояния, прагматизм, корпоративная мораль, религиозность являлась доминирующей. Отправление религиозных обрядов занимало большое место в повседневной жизни русского купечества. «Как у отца, так и у матери основы мировоззрения и морали покоились на религиозных началах, а в нашей среде религиозность почти всегда отождествлялась с державностью: одну от другой не отличали. Религиозным считался тот, кто был богомолен, ходил часто в церковь», — писал в своих мемуарах Н. П. Вишняков [2, с. 19]. О признании набожности в качестве необходимого свойства доброго купца свидетельствует не только уклад семейной жизни, но и «красный угол» купеческого дома. Несмотря на появившиеся западноевропейские новинки домашнего быта (картины, зеркала, часы и пр.), по-прежнему оставался «красный угол», установленный многочисленными иконами, нередко составляющими настоящий «иконостас». С икон же начинался перечень имущества, передаваемого по сговорной записи или духовному завещанию.

По мнению О. Н. Судаковой, влияние православия на ментальность русского купечества носило, прежде всего, общий морально-этический характер. Конкретные проявления этого влияния разноплановы. Именно православие способствовало широкой благотворительной деятельности купечества в XIX в. [9, с. 51].

В организации дела общественного призрения купечество большую роль начало играть с развитием капиталистических отношений. Купцы направляли средства на поддержку неимущих слоев населения независимо от сословной принадлежности, на строительство и содержание учебных заведений, больниц, приютов, храмов.

Особенно значимой купеческая благотворительность была для провинциальных городов, обеспечивая им социально-культурное развитие. Рассмотрим это на примере нашего региона. Поскольку аристократии в Сибири практически не было, а купечество сформировалось и окрепло здесь лишь в начале XIX в., то активные формы благотворительности и меценатства в Забайкалье стали возможны только к середине XIX в., после накопления потомственными купцами солидного капитала.

Со второй половины XIX в. пожертвования на нужды образования и защиты детства стали занимать доминирующее положение в структуре благотворительности купечества. Это выражалось в открытии частных учебных заведений или поддержке уже существующих, организации сбора пожертвований в пользу сирот, открытии приютов и детских садов.

Так, например, Верхнеудинский приют для арестантских детей был открыт в 1874 г. на средства верхнеудинских и кяхтинских мещан и купцов И. Ф. Голдобина, А. К. Кобылкина, С. Ф. Борисова и других, а также баргузинских бурят [3, л. 41]. Приют был организован на основании циркуляра управляющего Забайкальской областью и с согласия верхнеудинского городского общества [3, л. 2-5]. В нем помещались дети, поступающие с родителями в верхнеудинский тюремный замок, чтобы оградить их «от влияния тюрем в самом нежном их возрасте» [4, л. 11]. Верхнеудинское городское общество приняло решение именовать его в честь основателя приюта – управляющего Забайкальской областью Б. Л. Милютин — Милютинским [3, л. 50]. Кроме арестантских детей в приюте находились дети-сироты из мещанских семей г. Верхнеудинска. Городская управа с согласия Городской думы отправляла детей в приют на «воспитание и полное иждивение» [6, л. 29]. За каждого такого воспитанника Управой ежемесячно вносилась плата за содержание.

Это было единственное в своем роде в Забайкалье благотворительное заведение (позднее, в 1882 г., подобный приют был открыт в Чите). Открытие Арестантского детского приюта давало возможность забайкальцам выразить свое отношение к уголовной ссылке. В отличие от Центральной России в Восточной Сибири к ссыльным относились с сочувствием и старались помогать им.

Призрение детей в приюте не ограничивалось только заботой об их физическом здоровье. Дети обучались грамоте по программе церковно-приходских школ, ведению хозяйства. Мальчиков посылали в разные мастерские для изучения ремесел, а девочки учились шить и рукодельничать. Не

оставался без внимания и досуг питомцев приюта. Для них устраивались новогодние елки с подарками, литературно-музыкальные праздники, они принимали участие в городских торжествах, посвященных юбилейным датам [7, с. 94–95].

Государственное финансирование приюта ограничивалось двумя статьями: суммы, отправленные из казны, на содержание заключенных вместе с родителями детей и сборы с крестьян [6, л. 3]. Денежные поступления такого рода были постоянными, но небольшими. Этот факт свидетельствует о том, что государство уделяло мало внимания социальным проблемам края, опираясь в этом на общественные и частные инициативы и капиталы, прежде всего купеческие. Осуществлялась помощь приюту и со стороны простых людей — мещан, ремесленников, крестьян, хотя намного реже и в меньших размерах. Чаще всего те или иные пожертвования приурочивались к какому-либо празднику, особенно религиозному. Так, например, в 1876 г. в день Св. Пасхи в пользу приюта для арестантских детей было собрано 12 рублей [6, л. 135]. Доминирующим мотивом для этих пожертвований, на наш взгляд, было глубокое чувство религиозности, а также сочувствие и сострадание. Но все эти пожертвования не могли обеспечить должного существования приюта. Расход превышал доход. В одном из отчетов говорится: «...или содержание приюта совершается за счет основного капитала, или приют имеет другие, не упомянутые в уставе средства». И далее, в этом же отчете: «Вот здесь мы вступаем в ту неофициальную область, где коммерция и бескорыстное служение лиц, стоящих во главе управления, являются главным фактором в деле поддержания высокого благотворительного учреждения» [5, л. 14–18]. Приют существовал, и в этом велика роль попечительского совета и особенно попечительницы приюта — жены известного забайкальского купца И. Ф. Голдобина Елизаветы Ивановны Голдобиной. Например, в 1884 г. она вносит на рассмотрение совета приюта проект, согласно которому на весь капитал приюта приобретаются процентные государственные бумаги и передаются в надежные руки под проценты. Елизавета Ивановна пообещала и полное содействие в «приискании» солидных кредиторов [5, л. 5]. Проект был единодушно принят. Благодаря этим изменениям к 1891 г. капитал приюта значительно увеличился [5, л. 9]. Но главная заслуга Голдобиной заключалась в организации благотворительных мероприятий в пользу приюта (выставок, чтений, спектаклей и др.), благодаря которым он и существовал.

Таким образом, забота о приюте для арестантских детей была частью жизнедеятельности, причем не только семьи Голдобиных, но и других купцов и купеческих жен (А. К. Кобылкин, С. Ф. Борисов, Д. А. Меньшиков, Е. Н. Горева, М. Сысоева, М. П. Соколова, М. В. Громов и др.).

История существования Арестантского детского приюта рассматривается нами как один из многочисленных примеров купеческой благотворительности в Забайкалье. Многие исследователи считают, что основным побудительным мотивом такой активной благотворительной деятельности было глубокое чувство религиозности российского купечества. Желая обрести благодать в жизни вечной, купечество стремилось благодетельствовать и в жизни земной. Тем самым яркие представители забайкальского купечества при

осуществлении благотворительной деятельности руководствовались и глубокими нравственными мотивами.

Таким образом, можно сделать главный вывод, который трудно опровергнуть: без благотворительной помощи купечества приют, как и любые другие культурные и общественные учреждения края (школы, библиотеки, музеи, богадельни, больницы), не смог бы существовать. Пусть бескорыстие некоторых поступков может быть поставлено под сомнение, однако их социальный смысл и общественную пользу трудно отрицать.

Благотворительность, имевшая место в регионе только благодаря активной социокультурной деятельности купцов во 2-й пол. XIX в. — нач. XX в., выступала, с одной стороны, нравственной обязанностью, моральным долгом, с другой — способствовала развитию культуры и просвещения.

Литература и источники

1. Антология педагогической мысли Древней Руси и Российского государства XIV–XVII вв. — М.: Педагогика, 1985. — 369 с.
2. Вишняков Н. П. Сведения о купеческом роде Вишняковых: в 3 ч. — М., 1903–1905, 1911. — Ч. 1. — С. 19.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1625.
4. ГАРБ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 2157.
5. ГАРБ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 378.
6. ГАРБ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 380.
7. Паликова Т. В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX — начало XX в.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. — 260 с.
8. Покотилова Т. Благотворительность и нравственность // *Alma mater*. — 1998. — № 3. — С. 55–58.
9. Судакова О. Н. Ценностный мир русского купечества Нового времени. — Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001. — 190 с.

УДК 271.2:069(571.54)

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-269-274

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БУРЯТИИ

© **Инна Матвеевна Бутуханова**

заведующая историко-краеведческим центром, Национальный музей Республики Бурятия
E-mail: butuhanova@mail.ru

Статья посвящена обзору православных коллекций, находящихся в государственных и муниципальных музеях Республики Бурятия. Приводится краткая характеристика музейной сети республики, дано определение музея как института социальной памяти. Коллекции по православияу автор описывает по следующим критериям: история формирования, количество предметов, тематические группы. Наряду с другими музеями (Кяхтинский краеведческий музей, Этнографический музей народов Забайкалья, муниципальные музеи) более подробно приводится